

**Незападная демократия
в ближневосточном контексте:
опыт Турции и фактор отношений с ЕС²**

Аннотация. В статье рассматриваются парадоксы взаимосвязи внутренних и внешних факторов в процессе демократизации в Турции – стране, начавшей переход к демократии еще в середине прошлого века. Казалось бы, процесс подготовки страны к вступлению в ЕС должен был дать серьезный импульс для более масштабной демократизации. Действительно, именно стремление Турции выполнить Копенгагенские критерии стало движущей силой наиболее масштабных и успешных либеральных реформ 2000-х годов. Однако, несмотря на реформы, которые продолжали проводиться в Турции в первом десятилетии XXI в., членство в ЕС становилось все более призрачной перспективой. В 2010-х годах, на фоне сворачивания демократических реформ, инерция которых действовала еще довольно долго, в академических кругах развернулась дискуссия о соотношении внешних и внутренних факторов в процессе демократизации западных стран.

¹ Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М.В. Ломоносова, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД РФ (shlykov@mail.ru).

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142-П).

Ситуация в Турции на рубеже 2000-х и 2010-х годов позволяет глубже проанализировать специфику процесса европеизации в странах, которые стремятся вступить в ЕС, и взаимосвязь политики кондициональности с демократизацией. Превалировавшие до недавнего времени в научной литературе представления о примате внешнеполитического фактора (т.е. принципов ЕС) как главной движущей силы демократических реформ и вторичности внутривнутриполитического контекста, служившего фоном для европеизации, сменились прямо противоположным мнением: в работах современных исследователей внутривнутриполитические факторы вышли в разряд переменных первого уровня. Анализ трех составляющих – ценностного аспекта в системе координат турецкой политики, соотношения внешних и внутренних драйверов модернизации и логики политической динамики в Турции в 2010-х годах – позволяет доказать тезис о том, что внутривнутриполитический контекст в таких сложноорганизованных крупных западных странах, как Турция, оказался заметно недооценен как в научной литературе, так и – самое главное – в практике демократического процесса.

Ключевые слова: Турция, евроинтеграция, Копенгагенские критерии, Р.Т. Эрдоган, западная демократия.

Турция – страна, начавшая переход к демократии в середине XX в., т.е. во время «второй волны» демократизации по С. Хантингтону, однако наиболее существенных успехов на ниве построения демократических институтов и отношений она достигла после получения статуса кандидата в ЕС на Хельсинкском саммите 1999 г. Именно стремление соответствовать Копенгагенским критериям стало драйвером масштабных и успешных либеральных реформ в Турции в 2000-х годах. Неудивительно, что многие специалисты еще недавно сходились во мнении, что именно «фактор ЕС» сыграл определяющую роль в демократизации Турции на рубеже 1990-х и 2000-х годов [Schimmelfennig, 2007].

Тем не менее после официального открытия переговорного процесса между Анкарой и Брюсселем в 2005 г. энтузиазм турецкого общества и правительства в отношении «европейского проекта» заметно убавился на фоне все более расплывчатых перспектив полноправного членства в ЕС и растущего недоверия к европейской политике кондициональности. Однако континуум демокра-

тических реформ в Турции – пусть и в ограниченном виде – продолжился и во второй половине 2000-х годов. Преобразования, приобретая все более избирательный характер, распространялись на те сферы, либерализация которых отвечала текущим интересам правящей Партии справедливости и развития (ПСР) [Saatçioğlu, 2014 ; Müftüler-Baş, 2019]. К концу 2013 г. демократические реформы были окончательно свернуты. Для сторонников мнения о примате фактора ЕС в процессе демократизации Турции это стало шокирующей новостью. Ведь в 2000-е годы Турция во главе с Реджепом Эрдоганом демонстрировала выдающиеся достижения в реализации демократического проекта, и многие исследователи рассматривали это как очередной внушительный успех европейской политики кондициональности. И вот прежний кумир либеральной общественности – Реджеп Эрдоган – в 2010-х годах стал символом масштабного отката к авторитаризму.

Ситуация в Турции на рубеже 2000-х и 2010-х годов показательна с точки зрения анализа особенностей процесса европеизации государств, стремящихся к членству в ЕС, и корреляции политики кондициональности с демократизацией. Доминировавшие до последнего времени в научной литературе представления о примате внешнего фактора ЕС как главного драйвера демократических реформ и вторичности внутривнутриполитического контекста, служившего фоном для европеизации, сменились прямо противоположными: современные исследователи выводят внутривнутриполитические факторы в разряд переменных первого уровня [Aydin-Düzgüt, Kaliber, 2016 ; Saatçioğlu, 2016 ; Müftüler-Baş, 2019]. При этом рационалистический подход, исходящий из постоянства интересов, оказался не в состоянии объяснить широкий диапазон различий в корреляции европейской политики кондициональности и процесса демократизации между разными странами, равно как и колебания в рамках одной страны, как в случае с Турцией, где для основных политических субъектов – правящей ПСР и других крупных партий – отношение к ЕС и требованиям Брюсселя менялось в зависимости от внутривнутриполитического контекста и характера межпартийной борьбы. Иными словами, одни и те же политические лидеры и партийные функционеры по-разному воспринима-

ли выгоды и издержки от следования рекомендациям Брюсселя в 2000-е и 2010-е годы.

Вышеобозначенный парадокс позволяет нам внимательнее присмотреться к турецкому примеру, представляющему один из наиболее интересных незападных вариантов попытки построения демократии. Отталкиваясь от предположения о том, что внутриполитический контекст – особенно в таких сложноорганизованных крупных незападных странах, как Турция, – оказался существенно недооценен в научной литературе, мы рассматриваем ценностный аспект демократии в системе координат турецкой политики, соотношение внешних драйверов демократизации (Копенгагенские критерии) и внутренней логики развития политического процесса и, наконец, выделяем основные причины стагнации процесса демократизации в Турции в 2010-х годах.

Ценности демократии в системе координат турецкой политики

В политической культуре Турции можно выделить две главные идейно-ценностные оппозиции, формирующие важнейшие линии социального раскола: с одной стороны, противостояние консервативно-исламистской и секулярно-кемалистской традиций, которое с 2000-х годов находит свое отражение в борьбе правящей ПСР и ее основного противника – кемалистской Народно-республиканской партии (НРП), с другой стороны, антагонизм турецкого и курдского национализма, который последние несколько десятилетий характеризовался непримиримой борьбой Партии националистического действия (ПНД) и сменявших друг друга прокурдских партий.

Оппозиция консервативно-исламистской и секулярной традиций уходит корнями еще в позднеосманский период, когда модернизационные реформы XIX в. силой навязывались консервативно настроенному большинству населения империи. Аналогично и кемалистские реформы 1920-х и 1930-х годов по строительству «Новой Турции» как современного светского государства-нации проводились «сверху», не принимая во внимание чаяния традиционной части общества, составлявшей большинство населения. Вполне закономерно, что с переходом к многопартийной полити-

ческой системе в 1946 г. политические партии, защищавшие консервативно-исламистские ценности, стали регулярно побеждать на конкурентных выборах (с 1950 г.) и получили возможность участвовать в формировании однопартийных и коалиционных правительств [Keуman, 2007]. В свою очередь, кемалистский истеблишмент для поддержания баланса и сдерживания экспансии консервативных сил фактически монополизировал контроль над военной бюрократией и судебной системой, которые стали бастионами кемалистской элиты. Это позволило эффективно решать задачу защиты базовых ценностей кемалистской Турции, заложенных в 1920-е и 1930-е годы.

Поскольку в дискурсе кемалистов консервативно-исламистские силы олицетворяли экзистенциальную угрозу превращения Турции в авторитарное исламистское государство, военная элита при поддержке судебной системы регулярно инициировала преследование происламских политических партий в стране (вплоть до конца 1990-х годов жизненный цикл подобных организаций от создания до роспуска по решению Конституционного суда был очень непродолжительным) или даже осуществляла прямое военное вмешательство [Müftüler-Baş, 2005]. Победа Демократической партии на первых конкурентных выборах 1950 г. и ее роспуск после военного переворота 1960 г. – наглядный пример того, как кемалисты пресекли попытку консервативно-исламистской периферии «стать новым центром» [Gülener, 2007]. Аналогичным образом в 1971 г. военная элита, предъявив премьер-министру «меморандум 12 марта», вынудила правительство консервативной Партии справедливости С. Демиреля уйти в отставку. Переворот 1980 г. также можно рассматривать как успешный ход кемалистского истеблишмента по возвращению себе контроля над политическим процессом в стране, расколотой противостоянием консервативно-националистических и леворадикальных сил. Последним эпизодом, когда кемалистский истеблишмент сумел сместить баланс политических сил в свою пользу, стал «постмодернистский переворот» 1997 г.: тогда под давлением военной элиты правительство во главе с патриархом политического ислама в Турции Н. Эрбаканом было вынуждено уйти в отставку, его Партия благоденствия

была распущена, а предложенные Советом национальной безопасности «меры по борьбе с реакцией» легли в основу новой государственной политики [Cizre, Çinar, 2003]. С 1970-х годов все легальные консервативно-исламистские партии регулярно распускались по решению Конституционного суда «за деятельность, противоречащую светскому характеру Турецкой Республики» [Kasaba, Vozdoğan, 2000].

Новый виток противостояния консервативно-исламистской и секулярно-кемалистской политики, пришедшийся на рубеж 1990-х и 2000-х годов, хронологически совпал с этапным событием в отношениях Турции с Евросоюзом – Хельсинкским саммитом 1999 г., на котором Турция добилась получения статуса страны-кандидата в ЕС. После этого баланс сил в противостоянии консервативно-исламистской и секулярно-кемалистской традиций начал меняться. На консервативно-исламистской части политического поля лидером стала основанная в 2001 г. ПСР, вобравшая в свои ряды прогрессивное крыло распущенной Партии благоденствия и провозгласившая себя консервативно-демократической партией [Akdoğan, 2004]. На тот момент ПСР считала ЕС своим естественным союзником и опорой, поскольку требования следовать европейским нормам и правилам – верховенству права, соблюдению демократических принципов и т.д. – означали демонтаж системы сдержек, выстроенной кемалистами, и нивелирование политической субъектности военной элиты. Поэтому, чтобы избежать судьбы прежних происламских партий Н. Эрбакана и принудительного роспуска, ПСР позиционировала себя как партию, ориентированную на ЕС и либеральные ценности [Dağ, 2004]. В начале 2000-х годов ПСР активно использовала переговорный процесс с ЕС для укрепления своих позиций внутри страны, а кабинеты А. Гюля и Р. Эрдогана – как ни одно правительство до ПСР – с готовностью соглашались на выполнение Копенгагенских критериев и других требований Брюсселя [Kulahcı, 2005]. У кемалистов такое перерождение консервативно-исламистских сил из последовательных противников модернизации и вестернизации в ярых сторонников европеизации и демократизации вызвало определенные подозрения, особенно с учетом традиционного дискурса консервативных пар-

тий и их риторики о «невозможности сосуществования ислама и секулярных порядков» [Yavuz, 2009, p. 4–5]. Поэтому кемалистский истеблишмент воспринял энергичную поддержку демократических преобразований и евроинтеграции со стороны ПСР не иначе как хитрый ход, направленный на ослабление позиций кемалистов и их возможностей по сдерживанию консервативно-исламистских сил [Müftüler-Baş, 2005]. НРП как «партия, основанная Атаатюрком», естественным образом оказалась в оппозиции к ПСР [Mecham, 2004], несмотря на то что именно НРП стояла у истоков процесса реформ, направленных на превращение Турции в современное государство, следующее в фарватере западной цивилизации. НРП была партией «сторонников модернизации/секуляризации», занимавших доминирующие позиции в правящей республиканской элите и сформировавших «центр», в то время как «традиционалисты» опирались на поддержку населения «периферии» [Mardin, 1973]. Именно это противостояние «центра» (сторонников модернизации и секуляризации) и «периферии» (защитников ислама и традиционных ценностей) находится в основе континуума развития турецкой демократии.

Бинарная оппозиция «центра» и «периферии» просматривается и в противостоянии главной турецкой националистической партии ПНД и курдского политического движения, представленного в 2000-е годы Партией демократического общества (ПДО) и ее преемницей Партией мира и демократии (ПМД), а в 2010-е годы – Партией демократии народов (ПДН). Требование признания курдской идентичности вызывает категорическое неприятие у националистов, усматривающих в этом прямую угрозу унитарному характеру турецкого государства, основой которого является сингулярность турецкого национализма. Для ПНД, считающей все курдские политические партии ответвлениями Рабочей партии Курдистана (РПК), признанной террористической в Турции и Европе, неприемлемы требования Брюсселя о признании национальных меньшинств и соблюдении их прав. Поэтому до середины 2010-х годов ПНД активно критиковала правительство ПСР, как «идущее на поводу» у ЕС по курдскому вопросу, и пребывала в оппозиции. Но уже в 2015 г., когда Р. Эрдоган свернул перегово-

ный процесс с курдами, заморозил диалог о членстве Турции в ЕС и в стране возобладали авторитарные тенденции, ПНД вступила в политический союз с ПСР, которая, в свою очередь, скорректировала свою риторику о национализме.

Как видим, фактор ЕС, связанный с перспективой полноправного членства Турции в Евросоюзе, создал и новые возможности, и новые риски для всех без исключения субъектов турецкой политики. Поскольку ЕС избегал поддерживать одних политических акторов в ущерб другим, то эксплуатировать фактор ЕС в своих интересах могли разные политические силы безотносительно степени их приверженности ценностям либерализма [Börzel, Risse, 2000 ; Börzel, Soyaltın, 2012]. Пример ПСР, которая успешно инструментализировала переговорный процесс с Брюсселем и эффективно использовала фактор ЕС для решения внутриполитических задач консолидации властных и электоральных ресурсов, в данном случае весьма показателен.

Демократизация 2000-х годов: следование Копенгагенским критериям или конъюнктурным внутриполитическим интересам?

Процесс демократических преобразований в Турции резко активизировался после того, как страна получила статус кандидата в ЕС на Хельсинкском саммите 1999 г. Перспектива скорого (как тогда казалось) вхождения в ЕС способствовала резкому ускорению административно-политической и социально-экономической модернизации. В ноябре 2000 г. Еврокомиссия подготовила для Турции «Документ о партнерстве на время процесса вхождения», принятый 8 марта 2001 г., – своего рода «дорожную карту» присоединения Турции к ЕС, представлявшую собой подробный перечень необходимых для Турции преобразований. В ответ уже 19 марта 2001 г. правительство Б. Эджевита обнародовало «Общую стратегию национальной программы», в рамках которой были подготовлены три пакета конституционных поправок – «Пакеты мер по гармонизации с ЕС» (первый пакет был принят в октябре 2001 г., второй – в марте 2002 г., третий – в августе 2002 г.), – а также проведена масштабная ревизия действующего Гражданского ко-

декса¹. С приходом к власти ПСР осенью 2002 г. наступил самый продуктивный период реформ по европеизации и демократизации. Меньше чем за два месяца – с декабря 2002 г. по январь 2003 г. – ПСР провела через парламент еще два «Пакета мер по гармонизации с ЕС». Стремительность, с которой новый парламент и правительство включились в работу по продвижению проекта евроинтеграции, объяснялась, во-первых, желанием как можно скорее добиться от ЕС назначения точной даты переговоров о присоединении, во-вторых, – стремлением максимально закрепить свои позиции в противостоянии с оппозицией [Монбриаль, 2004]. Однако усилия ПСР не были вознаграждены, и на саммите в Копенгагене 12–13 декабря 2002 г. лидеры ЕС, поощрив Турцию за «энергичную реализацию реформ» [2004 regular report ..., 2004], вновь отложили решение вопроса об объявлении даты начала переговоров.

Заветное решение об открытии переговорного процесса Турция получила только в декабре 2004 г. Причем переговорный процесс объявлялся бессрочным, что делало перспективы вступления Турции в ЕС крайне неопределенными. Вдобавок ряд крупных европейских стран – Германия, Франция, Дания, Австрия – выразили открытое неприятие притязаний Турции на членство в ЕС, опасаясь размывания европейской идентичности под натиском неизбежной новой волны миграции мусульман в Европу [McLaren, 2007, p. 272–273]. Главным разочарованием для Анкары стали требования, выходящие за рамки Копенгагенских критериев, – прежде всего по кипрскому вопросу. Все это лишний раз продемонстрировало двойные стандарты ЕС и в результате привело к провалу европейской политики кондициональности в отношении Турции, поскольку из уравнения был изъят главный компонент – ясность по поводу перспектив членства в Евросоюзе [Schimmelfennig, Sedelmeier, 2020].

Однако и без внешнего давления со стороны ЕС реформы по демократизации общественной жизни в Турции в конце 2000-х и начале 2010-х годов продолжились, пусть и в ограниченном мас-

¹ В декабре 2001 г. ЕС принял первый рамочный документ, устанавливавший принципы выделения Турции финансовой помощи.

штабе и только в тех сферах, где демократизация соответствовала интересам ПСР и Р. Эрдогана [Saatçioğlu, 2016]. Правительство инициировало принятие четырех пакетов административно-правовых реформ, в 2010 г. состоялся референдум по конституционным поправкам, которые либерализовали многие аспекты функционирования органов власти, продолжилась работа над новой более прогрессивной и либеральной конституцией. Тогда же власти выдвинули две знаковые инициативы – алевитскую (*тур.* Alevi Açılımı) и курдскую (*тур.* Kürt Açılımı). Содержательный анализ этих преобразований показывает, что по своим масштабам реформы 2005–2013 гг. были вполне сопоставимы с проводившимися в 1999–2004 гг., когда драйвером выступала перспектива членства в ЕС.

Одна из наиболее значимых реформ конца 2000-х годов – курдская инициатива (*тур.* Kürt Açılımı), которую нередко (и очень символично) также называли демократической инициативой (*тур.* demokratik açılım). Хотя она не привела к реальному решению курдской проблемы и, по большей части, свелась лишь к общественной дискуссии, сам факт провозглашения турецкими властями Проекта национального союза и братства (*тур.* Millî Birlik ve Kardeşlik Projesi) свидетельствовал об отказе от традиционного для республиканской Турции государственнического дискурса в вопросе национальных меньшинств.

В Брюсселе курдский вопрос рассматривали как проблему прав этноконфессионального меньшинства и требовали от правительства Турции предпринять соответствующие шаги на административном и законодательном уровнях по защите прав курдов, т.е. предлагали решить курдский вопрос в переговорном русле, исключив применение насилия [1999 regular report ..., 1999]. Между тем в Турции подходы к проблемам меньшинств (как формально, так и в дискурсе большинства турецких политиков) сохранялись неизменными со времен Лозаннского мирного договора 1923 г., который выделял лишь немусульманские меньшинства. Соответственно культурные, лингвистические и этнические особенности курдов не считались принципиально важными, а курдский вопрос рассматривался не как проблема прав этноконфессионального

меньшинства, а как проблема неравномерности развития регионов Турции и распространения терроризма [Christofis, 2019]. Ряд политических партий (в том числе такие крупные, как НРП и ПНД) в принципе отрицали существование курдского вопроса [Kubicek, 2011]. Националистическая ПНД, полагавшая, что курдская инициатива – это хитрый ход ПСР по использованию фактора ЕС для расширения своей электоральной базы, заявила, что курдская инициатива правительства поощряет сепаратизм, чем не преминет воспользоваться Партия мира и демократии (ПМД), чтобы реализовать идею создания курдской автономии на юго-востоке Турции [Erdoğan başkan ..., 2013].

Преемница ПМД – Партия демократии народов (ПДН) – сыграла особую роль в рамках курдской инициативы [Toktamış, 2019]. Хотя ПДН не соглашалась с определением курдов как меньшинства, настаивая на признании их роли в становлении Турецкой Республики, она видела в курдской инициативе реальную перспективу разрешения курдского вопроса и приняла на себя роль посредника в переговорах между правительством и РПК. В целом же, хотя курдская инициатива, формально продлившаяся до 2015 г., не помогла существенно приблизиться к решению курдского вопроса (снятие запрета на использование курдских топонимов, запуск вещания на курдском языке в рамках телеканала TRT-6, поправки к нормам, регулирующим свободу слова и т.п.) и привела лишь к отдельным косметическим изменениям, но сам факт признания курдского вопроса как комплексной проблемы (а не только как следствия неравномерности развития регионов или распространения терроризма) имел колоссальное значение и символизировал разрыв с прежней традицией. Фактор ЕС был здесь скорее фоновым обстоятельством, чем главным драйвером налаживания диалога с курдами. Учитывая, что к концу 2000-х годов переговорный процесс с Брюсселем зашел в тупик, Р. Эрдоган в данном случае больше руководствовался собственными соображениями и интересами, а не стремлением выполнять рекомендации Евросоюза [Savran, 2020]. Ведь в начале 2000-х годов, когда влияние переговорного процесса с ЕС на турецкую внутривнутриполитическую повестку

было максимальным, подобных инициатив по курдскому вопросу и практических шагов по их реализации не наблюдалось.

Конституционная реформа 2010 г., проводившаяся под лозунгами ограничения политической субъектности армии и приведения национального законодательства в соответствие со стандартами ЕС, также хорошо иллюстрирует примат внутривластных факторов над внешним влиянием фактора ЕС. Реформа в целом не вызывала протестов у оппозиции, за исключением пункта о расширении состава Конституционного суда. Для Эрдогана же вопрос о контроле над судами высших инстанций имел принципиальное значение, поскольку в 2008 г. Конституционный суд едва не распустил ПСР по обвинению в использовании религии в политических целях (для решения о роспуске партии не хватило всего одного голоса). Правительство ратовало за реформу, уничтожившую монополию кемалистской элиты над судебной системой, под предлогом создания механизма выборности судей высших инстанций на профессиональных коллегиях. Правительственная комиссия под председательством Эрдогана подчеркивала, что конституционная реформа разработана полностью в русле требований и норм ЕС. Оппозиционная НРП проголосовала против поправок, считая, что вся реформа задумана лишь для изменения порядка формирования судов высших инстанций и что новый конституционный порядок закроет кемалистскому истеблишменту все возможности для сдерживания экспансии консервативно-исламистских сил. Националистическая ПНД (которая тогда была в оппозиции к ПСР) также не поддержала реформу, полагая, что ПСР стремится не к меритократии и профессионализации судов (при всей политизированности формирования состава судов высших инстанций), а к замещению кемалистских кадров исламистскими. Курдская ПМД, представленная в парламенте независимыми депутатами, не участвовала в дискуссии, хотя конституционные изменения были в ее интересах. Провальное голосование в парламенте по конституционным поправкам вынудило ПСР вынести их на референдум, отказавшись при этом от ряда важных инициатив по реформе судебной системы. Как видим, законодательные реформы, которые проводились в контексте следования Копенгаген-

ским критериям, на самом деле отражали конкретные интересы ПСР, и именно так их воспринимали другие партии.

Таким образом, основным драйвером реформ и демократических инициатив 2005–2013 гг. были не требования европейской политики кондициональности, а интересы ПСР, связанные с ее видением оптимальной модели модернизации и демократизации. Не случайно сам Р. Эрдоган публично признавался, что «демократия для нас не цель, а средство» [Erdogan : «Demokrasi ...», 2011], это «трамвай, в который ты садишься, добираешься до нужной остановки, а затем сходишь» [Veliht Таууір ..., 1996].

Стагнация и деградация процесса демократизации в Турции

К середине 2010-х годов ПСР стала доминирующей силой на политической арене Турции, поскольку ни одна другая партия или политическое движение не обладали сопоставимыми ресурсами. В этих условиях фактор отношений с ЕС перестал играть роль инструмента обеспечения внешней и внутренней легитимности ПСР. Массовые протесты защитников парка Гези летом 2013 г. были восприняты Р. Эрдоганом как «попытка переворота», чему «законно избранное правительство» должно было дать решительный отпор. Жестокость сил правопорядка при разгоне демонстрантов вызвала осуждение со стороны европейских стран. Р. Эрдоган болезненно воспринял критику, содержащуюся в специальных докладах ЕС по Турции [Turkey 2013 progress ..., 2013 ; European Parliament resolution ..., 2013], что послужило поводом к дальнейшему обострению отношений Анкары и Брюсселя. Еще большее раздражение в ПСР вызвало то, что оппозиционная НРП, поддержавшая протестующих, стала апеллировать к нормам и правилам ЕС, критикуя правительство. После этого в риторике Эрдогана появилась ответная критика: ЕС ассоциировался с коварным злодеем, сотрудничающим с оппозицией и вынашивающим планы по свержению законной власти в Турции. Такая смена ценностных ориентиров положила начало девестернизации и девропеизации Турции [Aydın-Düzgit, Kaliber, 2016].

Обозначившийся в 2013 г. тренд на сворачивание демократизации в полной мере проявился после путча 2016 г. За два года

режима чрезвычайного положения (каждые три месяца парламент продлевал ЧП вплоть до июля 2018 г. [Çelik, 2018]) в рамках инициированных Эрдоганом масштабных чисток было уволено более 150 тыс. гражданских служащих, десятки тысяч людей были взяты под стражу по обвинениям в связях с путчистами, были арестованы 170 генералов и более 7 тыс. старших офицеров, прекратили вещание сотни медиаресурсов, были ликвидированы более 3 тыс. образовательных учреждений, свыше 6 тыс. ученых и преподавателей потеряли работу [A look at Turkey's ... 2018 ; Turkey's post-coup ..., 2022]. Многие были привлечены к уголовной ответственности за связи с террористическими структурами Фетхуллага Гюлена и подписание петиции за прекращение спецоперации против курдов на юго-востоке Турции (инициатива «Мы не будем участвовать в этом преступлении», тур. «Bu Suça Ortak Olmaya Sağız»).

ЕС отреагировал на репрессии принятием резолюции с рекомендацией заморозить переговорный процесс с Турцией из-за непропорционально жестокого ответа на попытку государственного переворота, а также из-за нарушения принципов верховенства закона и базовых норм прав человека [European Parliament resolution ..., 2016]. Р. Эрдоган воспринял этот шаг как еще одно доказательство враждебности Евросоюза, который не только сотрудничает с оппозицией, но и требует оправдать преступников, и даже предложил провести референдум о целесообразности дальнейшей евроинтеграции («турецкий Брекзит») [Turkey reacts ..., 2016].

Конституционный референдум 2017 г. наделил президента чрезвычайно широкими полномочиями в сфере судебной и исполнительной власти (упразднился пост премьер-министра, президенту больше не требовалось сохранять беспартийность), что сделало главу республики практически неподотчетным ни парламенту, ни суду. Теоретически депутаты могли заблокировать президентские инициативы, но поскольку ПСР вместе со своим политическим союзником ПНД обладали абсолютным большинством в парламенте, на практике подобное было исключено. Президент получил широкие полномочия по назначению судей высших ин-

станций, и после масштабных чисток судей и прокуроров это сделало судебную систему полностью лояльной и подконтрольной главе республики. Подобное разрушение еще остававшейся видимости разделения властей, нарушающее принцип верховенства права (действия Эрдогана даже окрестили «захватом государства изнутри» [Somers, 2017]), вызвало резкую критику со стороны ЕС, в том числе в рамках специального доклада Венецианской комиссии, в котором говорилось о недопустимости проведения конституционного референдума в условиях чрезвычайного положения, а также о пагубности разрушения системы сдержек и противовесов разных ветвей власти [Turkey : opinion ..., 2017 ; Turkey 2018 report ..., 2018]. В ответ министр юстиции Б. Боздаг лишь посетовал, что ЕС попал под влияние турецкой оппозиции и повторяет ее риторику [Hükümetten ..., 2018]: такая слабая реакция наглядно свидетельствовала о степени деградации нормативного влияния ЕС на Турцию и обесценивании фактора ЕС для электората ПСР.

Во второй половине 2010-х годов, на фоне глобальной тенденции отступления от принципов либеральной демократии, проявившейся в разных странах Европы, Турция выделялась тем, что поворот к авторитаризму привел страну к установлению фактически персоналистского режима с катастрофическим отступлением от норм и принципов демократии [Esen, Gümüüşcü, 2017]. Ограничение базовых прав и свобод, особый порядок рассмотрения дел в судах, аресты без предъявления обвинений, массовые увольнения гражданских служащих, преследование и ликвидация общественных и правозащитных организаций, закрытие университетов и конфискации целых компаний под предлогом их связей с террористической организацией Фетхуллага Гюлена и РПК – все это стало реальностью Турции во второй половине 2010-х годов [Çinar, Şirin, 2017]. За публичные высказывания политических взглядов ученых стали увольнять из университетов [Başer, Akgönül, Öztürk, 2017], а суды оказались завалены сотнями исков против простых граждан за оскорбление президента [Yılmaz, 2016]. Государство установило жесткий контроль над медиаресурсами: государственные медиа напрямую подчиняются Управлению связи и массовых коммуникаций при президенте, большинство независимых и оп-

позиционных СМИ либо ликвидированы, либо перешли под контроль лояльных власти медиахолдингов. Не менее строго стали контролироваться и цензурироваться социальные сети [Akgül, Kırıldıođ, 2015]. На фоне этих событий и консолидации в руках Р. Эрдогана фактически всех ветвей власти (исполнительной, поскольку он президент и глава правительства; законодательной, поскольку в парламенте доминирует ПСР; судебной, поскольку он контролирует назначения в высшие судебные инстанции [Шлыков, 2017]) его политический режим стали все чаще именовать «авторитарным» и даже «персоналистским», практически отказавшись от использования в отношении Турции понятия «демократия» с уточняющими эпитетами «делегативная», «электоральная» или «нелиберальная».

Представленный выше анализ различных структурно-исторических и политических факторов, оказавших влияние на процесс демократизации в Турции, позволяет сделать несколько значимых выводов. В начале процесса евроинтеграции ЕС представлялся большинству турецких политических игроков источником существенных возможностей для дальнейшего развития страны. Вместе с тем процесс евроинтеграции породил ряд непредвиденных ранее рисков.

Помимо того что Турции были выдвинуты дополнительные требования по кипрскому вопросу, выходящие за рамки Копенгагенских критериев, переговорный процесс с Брюсселем оказал неожиданное воздействие и на турецкую внутреннюю политику. Фактор ЕС стал предметом манипуляций самых разнообразных политических сил, независимо от их реальной приверженности ценностям демократии и либерализма. Именно за счет фактора евроинтеграции, как это ни парадоксально, ПСР смогла консолидировать свой электоральный ресурс, хотя в дальнейшем этот ресурс использовался в других целях, далеких от демократизации в европейском понимании.

Тем не менее реформы, проводившиеся в Турции под влиянием ЕС, не были свернуты после того, как процесс евроинтеграции резко замедлился. То, что они продолжались еще восемь лет – с 2005 по 2013 г., – уже нельзя объяснить требованиями европейской политики кондициональности. Продолжение реформ в этот период было обусловлено, в первую очередь, представлениями самой ПСР о необходимости дальнейшей модернизации и о стандартах хорошего управления, а также ее стремлением консолидировать свои политические позиции в обществе. Когда же эта цель была достигнута, Турция вступила в новый этап своего развития, характеризующийся усилением президентской власти и ревизией прежних институциональных структур, которые должны были обеспечить демократизацию.

С точки зрения внешнеполитических приоритетов Турции этот новый этап, по сути, предоставляет ей гораздо более широкие возможности для маневрирования и укрепления своих позиций сразу по нескольким направлениям, включая отношения с Россией, Китаем, государствами Закавказья, Центральной Азии, Ближнего Востока, Африкой и даже Юго-Восточной Азией, а в отношении с прежними основными внешнеполитическими партнерами – НАТО и ЕС – дает дополнительный ресурс для торга по наиболее важным и чувствительным для нее проблемам. Вместе с тем вопрос об устойчивости и долговечности нынешней внутривластной модели и внешнеполитической стратегии Турции, максимально зависимых от фигуры президента, пока остается открытым.

Литература/References

Монбриаль Т. (2004). Турецкий вопрос // Россия в глобальной политике. – Москва. – № 4. – 06.09. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tureczkij-vopros/> (дата обращения: 08.12.2022) [Montbrial T. (2004). The Turkish question [*Turetskiy vopros*] // Russia in global affairs. – Moscow. – N 4. – 06.09. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tureczkij-vopros/> (date of access: 08.12.2022)] (In Russian).

Шлыков П.В. (2017). Проблема консолидации власти в Турции : до и после военного переворота 15-16 июля 2016 г. // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5 : Мусульманский мир на исторических рубежах России / ИВ РАН. – Москва. – С. 402-423. [Shlykov P.V. (2017). The problem of power consolidation in Turkey : before and after the military coup attempt in

July 2016 [*Problema konsolidatsii vlasti v Turtsii : do i posle voennogo perevorota 15–16 iyulya 2016 g.*] // Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS. Vol. 5 : The Muslim world on the historical frontiers of Russia [*Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 5 : Musul'manskii mir na istoricheskikh rubezhakh Rossii*] / IOS RAS. – Moscow. – P. 404–422] (In Russian).

1999 regular report from the Commission on Turkey's progress towards accession. (1999) / Commission of the European Communities. – Brussels. – 13.10. – URL: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/1999.pdf> (date of access: 08.12.2022).

2004 regular report on Turkey's progress towards accession. (2004) / Commission of the European Communities. – Brussels. – 06.10. – 187 p. – URL: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/2004.pdf> (date of access: 08.12.2022).

A look at Turkey's post-coup crackdown. (2018) // Associated Press. – New York. – 30.08. – URL: <https://apnews.com/dbb5fa7d8f8c4d0d99f297601c83a164> (date of access: 08.12.2022).

Akdoğan Y. (2004). AK Parti ve Muhafazakâr Demokrasi. – İstanbul : Alfa Yayınları. – 160 s.

Akgül M., Kırıldıođ M. (2015). Internet censorship in Turkey // Internet policy review. – Ankara ; İstanbul. – Vol. 4, Issue 2. – URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/internet-censorship-turkey> (date of access: 08.12.2022).

Aydın-Düzgüt S., Kaliber A. (2016). Encounters with Europe in an era of domestic and international turmoil : is Turkey a de-Europeanising candidate country? // South European society and politics. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 1. – P. 1–14.

Başer B., Akgönül S., Öztürk A.E. (2017). «Academics for Peace» in Turkey : a case of criminalising dissent and critical thought via counterterrorism policy // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 10, Issue 2. – P. 274–296.

Börzel T.A., Risse T. (2000). When Europe hits home : Europeanization and domestic change // European integration online papers / SSRN. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 4, Issue 15. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=302768 (date of access: 08.12.2022).

Börzel T.A., Soyaltın D. (2012). Europeanization in Turkey : stretching a concept to its limits? / Freie Universität. – Berlin. – 23 p. – URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/publications/working_paper/wp/wp36/WP_36_Boerzel_Soyaltin.pdf (date of access: 08.12.2022).

Çelik K. (2018). Türkiye’de OHAL sona erdi // Anadolu Ajansı. – Ankara. – 19.07. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gunun-basliklari/turkiye-de-ohal-sona-erdi/1208010> (date of access: 08.12.2022).

Christofis N. (2019). The state of the Kurds in Erdoğan’s «new» Turkey // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 3. – P. 251-259.

Cizre Ü., Çınar M. (2003). Turkey 2002 : Kemalism, Islamism, and politics in the light of the February 28 process // South Atlantic quarterly. – Durham, NC : Duke univ. press. – Vol. 102, Issue 2/3. – P. 309-332.

Çınar O.H., Şirin T. (2017). Turkey’s human rights agenda // Research and policy on Turkey. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 2, Issue 2. – P. 133-143.

Dağı İ.D. (2004). Rethinking human rights, democracy and the West : post-Islamist intellectuals in Turkey // Critique : Critical Middle Eastern studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 13, Issue 2. – P. 135-151.

Erdoğan başkan PKK şampiyon. (2013) // Hürriyet. – İstanbul. – 13.02. – URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/22585329.asp> (date of access: 08.12.2022).

Erdoğan : «Demokrasi amaç değil araçtır». (2011) //Hürriyet. – İstanbul. – 06.03. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/erdogan-demok-rasi-amac-degil-aractir-17197745> (date of access: 08.12.2022).

Esen B., Gümüşçü S. (2017). Turkey : how the coup failed // J. of democracy. – Washington, D.C. : Johns Hopkins univ. press. – Vol. 28, Issue 1. – P. 59-73.

European Parliament resolution on the situation in Turkey. (2013) / European Parliament. – Strasbourg. – 13.06. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0277_EN.html (date of access: 08.12.2022).

European Parliament resolution on EU-Turkey relations. (2016) / European Parliament. – Strasbourg. – 24.11. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0450_EN.html (date of access: 08.12.2022).

Gülener S. (2007). Türk siyaseti’nde merkez-çevre ilişkilerinin seyri ve 27 Mayıs 1960 darbesi // Bilgi sosyal bilimler dergisi. – İstanbul. – N 1. – S. 36-67.

Hükümetten «tarihin en sert» AB İlerleme Raporu’na ilk tepki. (2018) // T24 : Bağımsız İnternet Gazetesi. – İstanbul. – 17.04. – URL: <https://t24.com.tr/haber/hukumetten-tarihin-en-sert-ab-ilerleme-raporuna-ilk-tepki,607913> (date of access: 08.12.2022).

- Kasaba R., Bozdoğan S. (2000). Turkey at a crossroad // J. of international affairs / Columbia univ. – New York. – Vol. 54, Issue 1. – P. 1–20.
- Keyman E.F. (2007). Modernity, secularism and Islam : the case of Turkey // Theory, culture & society. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 24, Issue 2. – P. 215–234.
- Kubicek P. (2011). Political conditionality and European Union's cultivation of democracy in Turkey // Democratization. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 18, Issue 4. – P. 910–931.
- Kulahci E. (2005). EU political conditionality and parties in government: human rights and the quest for Turkish transformation // J. of Southern Europe and the Balkans. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 7, Issue 3. – P. 387–402.
- Mardin Ş. (1973). Center-periphery relations : a key to Turkish politics? // Daedalus / American Academy of Arts and Sciences. – Cambridge, MA : MIT press. – Vol. 102, Issue 1. – P. 169–190.
- McLaren L.M. (2007). Explaining opposition to Turkish membership of the EU // European Union politics. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 8, Issue 2. – P. 251–278.
- Mecham R.Q. (2004). From the ashes of virtue, a promise of light : the transformation of political Islam in Turkey // Third World quarterly. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 25, Issue 2. – P. 339–358.
- Müftüler-Baç M. (2005). Turkey's political reforms and the impact of the European Union // South European society and politics. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 10, Issue 1. – P. 17–31.
- Müftüler-Baç M. (2019). Backsliding in judicial reforms : domestic political costs as limits to EU's political conditionality in Turkey // J. of contemporary European studies. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 27, Issue 1. – P. 61–76.
- Saatçioğlu B. (2014). AKP's «Europeanization» in civilianization, rule of law and fundamental freedoms : the primacy of domestic politics // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 16, Issue 1. – P. 86–101.
- Saatçioğlu B. (2016). De-Europeanisation in Turkey : the case of the rule of law // South European society and politics. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 1. – P. 133–146.
- Savran A. (2020). The peace process between Turkey and the Kurdistan Workers' Party, 2009–2015 // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 22, Issue 6. – P. 777–792.
- Schimmelfennig F. (2007). European regional organizations, political conditionality, and democratic transformation in Eastern Europe // East Euro-

pean politics and societies. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publishing. – Vol. 21, Issue 1. – P. 126–141.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. (2020). The Europeanization of Eastern Europe : the external incentives model revisited // J. of European public policy. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 27, Issue 6. – P. 814–833.

Somer M. (2017). Conquering versus democratizing the state: political Islamists and fourth wave democratization in Turkey and Tunisia // Democratization. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 24, Issue 6. – P. 1025–1043.

Toktamış K.F. (2019). (Im)possibility of negotiating peace : 2005–2015 peace/reconciliation talks between the Turkish government and Kurdish politicians // J. of Balkan and Near Eastern studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 3. – P. 286–303.

Turkey 2013 progress report : Commission staff working document. (2013) / European Commission. – Brussels. – 06.10. – 81 p. – URL: https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2016-11/tr_report_2013_en.pdf (date of access: 08.12.2022).

Turkey 2018 report : Commission staff working document. (2018) / European Commission. – Strasbourg. – 17.04. – 112 p. – URL: <https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2018-06/20180417-turkey-report.pdf> (date of access: 08.12.2022).

Turkey : opinion on the amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017. (2017) / European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission). – Venice. – 10–11.03. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad\(2017\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=cdl-ad(2017)005-e) (date of access: 08.12.2022).

Turkey reacts angrily to symbolic EU parliament vote on its membership. (2016) // The Guardian. – London. – 24.11. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/nov/24/eu-parliament-votes-freeze-membership-talks-turkey> (date of access: 08.12.2022).

Turkey's post-coup crackdown. (2022) // Turkey Purge. – URL: <https://turkeypurge.com/> (date of access: 08.12.2022).

Veliht Tayyip Erdoğan'a göre RP hepimizin partisi : «Demokrasi amaç değil araçtır». (1996) // Milliyet. – İstanbul. – 14.07. – S. 1.

Yavuz H. (2009). Secularism and Muslim democracy in Turkey. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 320 p.

Yilmaz G. (2016). Europeanization or de-Europeanization? Media freedom in Turkey (1999–2015) // South European society and politics. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 1. – P. 147–161.

DOI: 10.31249/ape/2023.01.14

© Shlykov P.V.¹, 2023

Non-Western democracy in the Middle Eastern context: case of Turkey and factor of its relations with the EU²

Abstract. *The article considers the paradoxes of interconnection between internal and external factors in the democratization process in Turkey, a country that began the transition to democracy in the middle of the last century. It would seem that the process of preparing the country for accession to the EU should have given a serious impetus to larger-scale democratization. Indeed, it was Turkey's aspiration to meet the Copenhagen criteria that was the driving force behind the most ambitious and successful liberal reforms of the 2000s. However, despite the reforms, which continued to take place in Turkey in the first decade of the 21st century, EU membership became an increasingly elusive prospect. In the 2010s, when these reforms finally lost their steam, the scholarly debate focused on the correlation between internal and external factors in the process of democratization of non-Western countries. Turkish political dynamic of the 2000s and 2010s allows a deeper analysis of the specifics of Europeanization in the countries aspiring for the EU membership, and of the correlation between the politics of conditionality and democratization. The ideas that until recently prevailed in the scientific literature about the primacy of the foreign policy factor (that is, the principles of the EU) as the main driving force of democratic reforms and the secondary role of do-*

¹ *Shlykov Pavel Vyacheslavovich* – Ph.D. in History, Associate Professor, Middle Eastern History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, visiting scholar, project «Multi-factor analysis of the “Asian turn” in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)», MGIMO (U) (shlykov@mail.ru).

² *The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project N 19-18-00142-II).*

mestic political context have been replaced by a completely opposite opinion. The author analyzes three components of Turkish political dynamics – the role of the democratic values in the Turkish politics, the correlation of external and internal drivers of modernization, and the overall logic of Turkish politics in the 2010 s. Such an analysis allows the author to prove the thesis that the internal political context in such complexly organized large non-Western countries as Turkey was noticeably underestimated both in the scientific literature and, most importantly, in the practice of the democratic process.

Keywords: Turkey, accession to the EU, Copenhagen criteria, R.T. Erdogan, non-Western democracy.

Статья поступила в редакцию (Received) 8.12.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 15.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 25.01.2023.